

ЭНГЕЛЬС—Ф. ГРЕБЕРУ и В. ГРЕБЕРУ

В БАРМЕН

[Бремен], 17—18 сентября [1838 г.]

17 сентября. Сначала чёрные чернила, затем начинаются красные*.

Carissimi! In vostras epistolas haec vobis sit respondentia. Ego enim quum longiter latine non scripsi, vobis paucum scribero, sed in germanico-italianico-latino. Quae quum ita sint **, то вы не получите уж ни слова больше по-латыни, а всё на чистом, прозрачном, ясном, совершенном немецком языке. Пачну сейчас свой рассказ сразу с сообщения вам очень важной вещи: мой испанский романс провалился; этот парень, повидимому, антиромантик, таким он и выглядит; но другое моё стихотворение — «Бедуины», прилагаемое к письму, было помещено в другой газете; только этот молодец изменил у меня последнюю строфу, чем создал невообразимую путаницу. Дело в том, что он, кажется, не понял слов: «вас люди в фраках не поймут, им вашей песни строй далёк», потому что они кажутся странными. Главная мысль стихотворения заключается в противопоставлении бедуинов, даже в теперешнем их состоянии, публике, которая совершенно чужда им. А потому этот контраст не следует выражать одним голым описанием, данным в обеих резко обособленных частях; лишь в заключении он ярко выступает благодаря противопоставлению и заключительному выводу последней строфы. Кроме того, в стихотворении ещё выражены отдельные мысли: 1) лёгкая ирония по адресу Коцебу и его приверженцев с противопоставлением ему Шиллера как доброго принципа нашего театра; 2) скорбь о теперешнем состоянии бедуинов с противопоставлением прежнему их состоянию; эти обе побочные мысли идут параллельно в обеих главных противоположностях. Убери последнюю строфу, и всё идёт прахом; но если редактор, желая сгладить заключение, пишет: «И после этого — позор! — за деньги пред толпой плясать! У вас недаром тусклый взор и на устах лежит печать!», — то, во-первых, заключение бледно, ибо оно составлено из использованных уже раньше общих фраз, а, во-вторых, оно уничтожает мою главную мысль, ставя на её место побочную: жалобу на состояние бедуинов и сопоставление его с прежним их состоянием. Итак, он учинил следующую беду: он совершенно

* Письмо от 17 сентября написано чёрными чернилами, письмо от 18 сентября написано красными чернилами, поперёк текста предыдущего письма. *Ред.*

** — Дражайшие! На ваши письма отвечаю нижеследующим. Так как я давно не писал по-латыни, то я напишу вам немного, но на немецко-итальянско-латинском. Поскольку это так. *Ред.*

уничтожил 1) главную мысль и 2) связь всего стихотворения. Впрочем, это ему обойдётся ещё в один грот (1/2 зильбергроша), ибо он получит от меня надлежащую отповедь. Впрочем, лучше бы я не сочинял этого стихотворения, ибо мне совсем не удалось выразить свою мысль в ясной, изящной форме; риторические фразы...* — не более, как риторические фразы, страна фиников и Билед Уль Джерид — это одно и то же, так что одна и та же мысль повторяется дважды в одних и тех же выражениях, а как неблагозвучны некоторые из фраз: «раскаты смеха» и «проворные уста»! Странное испытываешь чувство, когда видишь напечатанными свои стихи; они тебе стали чужими, и ты их воспринимаешь гораздо более остро, чем когда они только что написаны.

Я здорово смеялся, когда увидел вдруг свои произведения опубликованными, но у меня вскоре пропала охота смеяться; когда я заметил сделанные изменения, то я пришёл в ярость и варварски забушевал. — *Satis autem de hac re locuti sumus!***

Я нашёл сегодня утром у одного букиниста весьма своеобразную книгу: извлечения из «Деяний святых», но, к сожалению, только для первой половины года, с портретами, жизнеописаниями святых и молитвами, но всё очень коротко. Она стоила мне 12 гротов (6 зильбергрошей), и столько же я заплатил за «Диогена Синопского», или «*Σωκράτης μαϊνόμενος*»***, Виланда.

С каждым днём я всё более отчаиваюсь в своей поэзии и её творческой силе, особенно с тех пор, как прочёл у Гёте обе статьи «Молодым поэтам», в которых я обрисован так верно, как это только возможно; из них мне стало ясно, что моё рифмоплётство не имеет никакой цены для искусства; но, тем не менее, я буду и впредь продолжать заниматься рифмачеством, ибо это — «приятное дополнение», как выражается Гёте, а иное стихотворение тисну в какой-нибудь журнал, потому что так делают другие молодцы, которые такие же, если не большие, чем я, ослы, и потому также, что этим я не подниму и не понижу уровня немецкой литературы. Но когда я читаю хорошее стихотворение, то в душе мне становится всегда очень досадно: почему ты не сумел так написать! *Satis autem de hac re locuti sumus!*

Мои *carī amici*****, ваше отсутствие очень чувствуется. Я часто вспоминаю о том, как я приходил к вам в вашу комнату;

* В тексте незаконченное слово: *Str.*, вероятно, имеется в виду Штрюккер (*Strücker*) — товарищ Энгельса. *Ред.*

** — Однако довольно об этом! *Ред.*

*** — «Неистового Сократа». *Ред.*

**** — дорогие друзья. *Ред.*

Фриц, устроившись уютно за печкой, сидел там с короткой трубкой во рту, а Вильм в своём длинном плафрое шумно шагал по комнате и курил только четырёхпфенниговые сигары и острил так, что комната дрожала, а затем появлялся могучий Фельдман, подобно *ἄνδρς Μενέλδοc* *, и затем приходил Вурм, в длинном сюртуке, с палкой в руке, и мы бражничали так, что небу было жарко; а теперь надо ограничиваться письмами — это ужасно! Что вы мне из Берлина также аккуратно пишете, это *constat* ** и *naturaliter* ***, письма туда требуют только одного лишнего дня по сравнению с письмами в Бармен. Мой адрес вы знаете; впрочем, это не важно, ибо я установил такое хорошее знакомство с нашим почтальоном, что он приносит мне всегда письма в контору. Однако *honoris causa* **** вы можете на всякий случай написать: Санкт-Мартини Кирххоф № 2. Источник этой дружбы с почтальоном тот, что у нас сходные имена: его зовут Энгельке. Мне сегодня немного трудно писать это письмо: позавчера я отправил письмо Вурму в Бильк, а сегодня — Штрюккеру, первое в 8 страниц, второе в 7. А теперь и вы должны получить свою порцию. — Если вы получите это письмо до отъезда в Кёльн, то исполните следующее поручение: по прибытии туда разыщите Штрейтцейгассе, зайдите в типографию Эверерта, № 51, и купите мне народные книги; «Зигфрид», «Уленшпигель», «Елена» у меня есть; важнее всего для меня: «Октавиан», «Шильдбюргеры» (неполное лейпцигское издание), «Дети Хеймона», «Доктор Фауст» и другие вещи, снабжённые гравюрами; если встретятся мистические, то купите их тоже, особенно «Пророчания Сивиллы». Во всяком случае вы можете истратить до двух или трёх талеров, затем пошлите мне книги скорой почтой, со счётом; я вам пришлю вексель на моего старика, который вам охотно заплатит. Или так: вы можете прислать книги моему старику, которому я сообщу всю историю, а он мне их подарит на рождество или когда ему вздумается. — Новым занятием у меня является изучение Якоба Бёме; это тёмная, но глубокая душа. Приходится страшно много возиться с ним, если хочешь понять что-нибудь; у него богатство поэтических мыслей, и он полон аллегорий; язык его совершенно своеобразный: все слова имеют у него другое значение, чем обыкновенно; вместо существа, сущности [Wesen, Wesenheit] он говорит мучение [Qual]; бога он называет безоснованием [Ungrund] и основанием [Grund], ибо он не имеет ни основания, ни начала своего существования, являясь сам основанием своей и всякой

* — рыжему Менелаю. *Ред.*
 ** — установлено. *Ред.*
 *** — естественно. *Ред.*
 **** — почёта ради. *Ред.*

иной жизни. До сих пор мне удалось раздобыть лишь три сочинения его; на первых порах этого достаточно. — Но вот вам моё стихотворение о бедуинах:

Ещё один звонок, и вот
Взвѣётся занавеса шёлк;
Свой напрягая слух, народ —
Весь ожидание — замолк.

Не будет Коцебу сейчас
Раскаты смеха вызывать,
Не Шиллер будет в этот раз
Златую лаву изливать.

Пустыни гордые сыны
Вас забавлять пришли сюда;
И гордость их, и воля — сны,
Их не осталось и следа.

Они за деньги длинный ряд
Родимых плясок пляшут вам
Под песню-стон; но все молчат:
Молчание к лицу рабам.

Где Коцебу вчера стяжал
Рукоплеканья шутовством,
Там бедуинам нынче зал
Дарит рукоплеканий гром.

Давно ль, проворны и легки,
Под солнцем шли они, в жару,
Через марокканские пески
И через фиников страну?

Или скитались по садам
Страны прекрасной Уль Джерид,
А кони про набеги вам
Твердили цокотом копыт?

Иль отдыхали близ реки
Под сенью свежего куста,
И сказок пёстрые венки
Плели проворные уста?

Иль в шалашах ночной порой
Вкушали мѣд беспечных снов,
Пока вас не будил с зарѣй
Проснувшихся верблюдов рѣв?

О гости, вам не место тут,
Вернитесь на родной Восток!
Вас люди в фраках не поймут,
Им вашей песни строй далёк.

18 [сентября]

Cur me roematibus exanimas tuis? * — воскликните вы. Но я вас ими — или, вернее, из-за них — помучаю сейчас ещё больше. У Гуилельмуса ещё целая тетрадь моих стихов. Эту тетрадь я попрошу вернуть мне, и вот каким образом: всю неисписанную бумагу вы можете вырезать, а потом при каждом из своих писем прилагать по четвертушке; расходы на марки от этого не увеличатся. Если удастся, то можно добавить и ещё клочок; если вы это умело вложите и хорошенько спрессуете до отправки письма, например, положив его на ночь между несколькими словарями, то эта публика ничего не заметит. Перешлите Бланку вложенный листок. У меня теперь обширнейшая переписка. Я пишу вам в Берлин, Вурму в Бонн, пишу в Бармен, Эльберфельд, — но без этого как мог бы я убить бесконечное время, которое я должен проводить в конторе, не имея права читать? Позавчера я был у своего старика, id est principalis **; его жену называют старухой «Altsche» (по-итальянски произносится точно так же слово alce, лось); его семья живёт за городом, и я получил большое удовольствие. Старик — очень милый человек, он ругает своих детей всегда по-польски: ах вы, лайдаки, ах вы, кашубы! На обратном пути я старался разъяснить одному своему спутнику-филистеру красоту нижненемецкого языка, но увидел, что это невозможно. Такие филистеры несчастны, но в то же время сверхсчастливы в своей глупости, которую они принимают за высшую мудрость. Недавно вечером я был в театре; давали «Гамлета», но совершенно отвратительно. Уж лучше и не говорить об этом. — Очень хорошо, что вы едете в Берлин; в области искусства вы получите столько, сколько ни в одном университете за исключением Мюнхена; зато по части поэзии природы будет скудно: песок, песок, песок! Здесь гораздо лучше. Дороги за городом большей частью очень живописны, разнообразные группы деревьев придают им большую прелесть; а горы, горы — чорт возьми, как они хороши! Далее, в Берлине не хватает поэзии студенческой жизни, особенно развитой в Бонне, чему немало способствуют прогулки по поэтическим окрестностям. Но вы ещё приедете в Бонн. Мой милый Вильгельм, я бы охотно ответил тебе на твоё остроумное письмо так же остроумно, но у меня теперь совсем нет остроумия, да и охоты, которой нельзя

* — Почему ты терзаешь меня своими стихотворениями? *Ред.*

** — т. е. принцепала. *Ред.*

вызвать у себя, а без неё всё носит вымученный характер. Я чувствую, однако, что со мной неладно, точно у меня все мысли исчезают, точно у меня жизнь отнимают. Увяла листва на древе души, вымучены остроты мои, ядро их выпало из скорлупы. Бедные мои макамы, не сравниться им с твоими стихами, затмившими Рюккерта своими красами. Мои же макамы подагрой страдают, они хромают, погибают, они упали уже в пропасть безвестности и не добиться им известности. О горе, в своей камерке я сажу и молотком по голове стучу, а оттуда толкает и вдохновения мне не возвращает. Вчера вечером, когда я ложился спать, я ударился головой; раздался такой звук, будто ударили по бочке с водой, и вода плещется о другой бок её. Я не мог не рассмеяться, когда истина предстала предо мной в таком непривлекательном виде. Да, вода, вода! В моей комнате вообще какая-то нечистая сила; вчера вечером я слышал, как в стене царапался древоточец, на улице, рядом, шумят утки, кошки, собаки, девки и люди. Впрочем, я требую от вас столь же длинного — даже более длинного — письма, *et id post notas* *, и чтобы было, как по нотам.

Самая превосходная книга церковных песнопений — это, бесспорно, здешняя. В ней все знаменитости немецкой поэзии: Гёте (песня «Ты, что с неба»), Шиллер («Три слова веры»), Коцебу и многие другие. И швейцарские пастушьи песни, и всякого рода чепуха. Это невероятное варварство; кто этого сам не видел, тот не поверит; к тому же ужасное искажение всех наших прекрасных песен — преступление, лежащее также на совести Кнаппа (в его «Сокровищнице песен»). — По поводу того, что мы отправляем партию окороков в Вест-Индию, мне вспомнилась следующая в высшей степени забавная история: однажды отправили партию окороков в Гаванну; письмо со счётом на неё прибыло позже. И вот получатель, заметивший уже, что не хватает двенадцати окороков, читает в фактуре: «съедено крысами... 12 штук». А крысы — это молодые служащие из конторы, которые воспользовались этими окороками; теперь история забыта. — Решившись заполнить оставшееся ещё место наброском и художественным изображением внешности (доктора Хе), я должен сказать вам, что вряд ли я смогу много сообщить о своём путешествии, так как я это обещал прежде всего Штрюккеру и Вурму; я опасуюсь, что и им мне придётся писать дважды, а трижды повторять всю эту болтовню, с прибавлением изрядной дозы всякой чепухи, — это было бы уж слишком. Но если Вурм согласится послать вам тетрадь, которую вряд ли он полу-

* — и это после замечаний. Ред.

чит до конца этого года, то всё устроится. В противном случае я не могу помочь вам, пока вы сами не приедете в Бонн.

für mich ala
mode

Ein Dimekopf ala
mode

Ваш преданнейший слуга

Ф. Энгельс

Привет П. Йонгхаусу; он может присоединить к вам своё письмо. Я бы ему тоже написал, но парень, наверное, уж сорвался с места. Отвечайте скорее. Ваш берлинский адрес!!!!!!!

ЭНГЕЛЬС — Ф. ГРЕБЕРУ

[Бремен], 20 января [1839 г.]

Фрицу Греберу

ФЛОРИДА

I

ДУХ ЗЕМЛИ ГОВОРИТ:

Уж триста лет прошло с тех пор, когда
Они пришли с побережий океана,
Где бледнолицых были города.

Добычей сильных стали наши страны;
Тогда из моря поднял я кулак,
Посмеет ли ступить сюда нога тирана.

На нём росли леса, цветы и злак,
И бороздил глубокие долины
Моих индейцев мужественный шаг.

Предвечный бог на холмы и равнины
Благословенье лил, но вот пришли

На корабле заблудшем властелины.
Им был по праву вид моей земли;